

Дарья Беженарь

Сердце у моря

УДК 82-3
ББК 84-4
Б38

Беженарь Д.

Б38 Сердце у моря / Дарья Беженарь. – М.: Литнет, 2026. – 96 с.

ISBN 978-5-521-99999-6

Всю жизнь я слышала о дедушке лишь шёпотом – как о чём-то далёком и почти нереальном. Мы не общались 19 лет: он перестал разговаривать с моей мамой, когда она отказалась выходить замуж за сына его делового партнёра. Семья распалась на две части, а между нами выросла стена.

Теперь дедушка восстанавливается после операции, и мама считает, что пора дать шанс примирению. Мы садимся в поезд – Выборг – Новороссийск, – и я понятия не имею, что меня ждёт: упрёки, холод, молчание...

Что принесёт это лето мне и моей маме? Чему научит? Прощению? А может, тому, что любовь может жить там, где её не ждёшь.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99999-6

© Литнет, 2026

© Беженарь Д., 2026

Глава 1

Ну наконец-то лето дошло и до Ленинградской области! А то эти бесконечные дожди уже достали – сил никаких не было, казалось, им конца не будет. Серое небо, лужи на асфальте, промозглый ветер... Но сегодня с самого утра небо ясное: яркое солнце и тёплые лучи словно шепчут: впереди – целое лето, полное возможностей и радости!

Сессия успешно сдана – все экзамены позади, зачёты закрыты, и теперь, пока не нагрянет второй курс, я официально объявляю: лето – моё!

Веселье с друзьями, встречи с подругами и никаких «надо», только «хочу» – вот мой девиз на ближайшие месяцы. В голове уже крутятся планы: пикники у озера, вечерние прогулки по набережной, концерты в парке... Я даже составила в заметках телефона список дел на лето.

Окрылённая прекрасным настроением и погодой, я залетаю в нашу с мамой квартиру, сбрасываю рюкзак у двери и громко зову:

– Мамуль, ты где?

– У себя, – слышу её голос из комнаты. Прохожу по коридору, захожу в её спальню.

Первым делом в глаза бросается её открытый дорожный чемодан. В него уже сложены косметичка, пара туфель на низком ходу, стопка аккуратно сложенных футболок. Мама как раз кладёт халат и что-то бормочет себе под нос, перебирая вещи.

Неужели это то, о чём я думаю? Мы едем в отпуск? Сердце начинает биться чаще, а губы сами растягиваются в улыбке. В голове сразу вспыхивают картинки: песок под ногами, шум волн, мороженое в вафельном рожке...

– Мамулька, и-у-у-у! – подлетаю к ней и крепко обнимаю, чуть не сбивая с ног. – Я так рада! Мы едем на море?

– Да... на море, – как-то тихо и растерянно говорит мама, избегая моего взгляда. Её пальцы на мгновение замирают, а потом снова продолжают складывать вещи.

– Сочи? Геленджик? Адлер? – выпаливаю я, едва сдерживая восторг. Перед глазами уже мелькают вывески отелей, пальмы, кафе с видом на набережную.

Мама отрицательно качает головой.

– Ладно, – я прищуриваюсь, пытаюсь угадать. – Я всё равно угадаю. Мы едем в Ялту?

Снова отрицательный жест.

– Мысхако, – тихо отвечает она, наконец поднимая на меня глаза.

– Что?! – я отступаю на шаг, не веря своим ушам. – Ты шутишь? Скажи, пожалуйста, что пошутила.

Мама снова качает головой. В её взгляде – смесь тревоги и надежды, будто она боится моей реакции, но всё равно надеется на понимание.

– Послушай, Лина... – начинает мама, но я её перебиваю.

– Ничего не хочу слышать! И я никуда не поеду! Если хочешь унижаться – езжай! Но я туда ни ногой!

– Лина, бабушка звонила, – мама садится на край кровати, сжимает руки на коленях. Её пальцы слегка дрожат. – Дедушка после операции на позвоночнике плохо себя чувствует, нужна помощь.

– Кто? Как ты назвала этого мужчину? Какой такой дедушка? Не слышала.

– мой голос звучит резче, чем я хотела. Внутри всё сжимается от обиды, которую я годами старалась не замечать.

– Лина... ну, не надо быть такой жестокой, – мягко говорит мама.

– Жестоко? – я отрицательно качаю головой, чувствуя, как внутри закипает гнев. – Жестоко – это перестать общаться со своей дочерью из-за того, что она ослушалась и не вышла замуж за сына его друга!

– Умение прощать – это сила...

– Ма, оставь эту психологическую чушь, – я скрещиваю руки на груди. – Где тогда его умение прощать? А? Почему он за столько

лет даже не позвонил тебе? Ладно, на тебя он обижался, хотя этого я тоже не понимаю, хоть стреляй. Но я? Я причём? Он не позвонил мне ни разу.

– Ну, ведь бабушка звонила и приезжала, – пытается оправдаться мама.

– Бабушка – да. Но не он, – отрезаю я.

– И бабушке нужна сейчас помощь, – мама смотрит на меня умоляюще. В её глазах – усталость, но и какая-то тихая просьба. – Она скучает по нам. И хочет, чтобы мы сделали этот шаг.

– Какой шаг, ма? Пока у него всё было хорошо, мы были не нужны. А как со здоровьем проблемы – о нас вспомнили. Всё, закрываем эту тему. Я никуда не поеду!

– Ради меня, Лин, и ради бабушки, – мама подходит ко мне и берёт за руки. – Там красиво, море, отдохнёшь, и я отдохну до начала учебного года. У меня с сентября первоклашки, надо сил набираться.

Мама учитель младших классов: каждое утро – подъём в шесть, завтрак, школа, где она целый день вкладывает знания в милые детские головки, а вечером – снова работа, проверка тетрадей до полуночи. И я понимаю, насколько она вымотана за этот год. Но...

– Я не хочу ехать в это село. Тем более к нему домой. Это не отпуск, – бормочу я, но уже не так уверенно. Мой голос звучит тише, а руки невольно сжимают мамину ладонь.

– Это не только его дом, – мама мягко улыбается. Её глаза загораются каким-то тёплым светом. – Это и мой дом. И я там выросла, в этом селе. И не была там больше двадцати лет... И мне бы очень хотелось...

Я смотрю в её глаза – в них столько надежды и тоски по родным местам. Вспоминаю, как она иногда рассказывала о своём детстве: о виноградниках, о море, о том, как бегала босиком по тёплым камням. И понимаю, что не могу ей отказать.

– Ради тебя, – наконец говорю я, вздыхая. – Но если что, я терпеть его не буду. Выскажу всё, что думаю о нём.

Мама обнимает меня, и я чувствую, как её плечи слегка дрожат. Она шепчет: «Спасибо, доченька», – и я понимаю, что, несмотря на все обиды, она всё ещё любит своих родителей. Её объятия такие крепкие, будто она боится, что я передумаю.

На следующий день мы сидим с мамой на вокзале в ожидании поезда Выборг – Новороссийск. Вокруг суeta: люди тащат чемоданы, дети бегают между скамейками, продавцы предлагают пирожки и воду. Где-то играет музыка из чьего-то телефона, смеются подростки, кто-то громко договаривается о встрече. Я смотрю на расписание – полтора дня придётся мучиться в поезде. Ради чего, блин? Ради мамы. Если для неё это важно, так уж и быть, потерплю этого старика. Но большего не обещаю.

Мама берёт меня за руку, и я сжимаю её пальцы в ответ. Где-то глубоко внутри я понимаю: это лето будет совсем не таким, как я планировала. Но, может, оно принесёт что-то новое?

Глава 2

Полтора дня в поезде растянулись, казалось, на целую вечность. Мы с мамой заняли места в плацкартном вагоне – напротив нас расположилась шумная семья с двумя маленькими детьми, а за стенкой громко обсуждали футбол трое мужчин.

Первые несколько часов я смотрела в окно, наблюдая, как сменяются пейзажи: сначала серые окраины Петербурга, потом зелёные леса, поля, перелески. Солнце клонилось к закату, окрашивая облака в розовые и золотые тона. Мама достала из сумки бутерброды и термос с чаем, и мы поужинали, слушая мерный стук колёс.

Ночью заснуть было непросто: вагон покачивало, кто-то храпел, дети время от времени начинали капризничать. Я лежала с закрытыми глазами, но мысли крутились в голове, как карусель.

Утром, когда первые лучи солнца проникли в вагон, я наконец задремала. Проснулась от того, что мама тихонько трясла меня за плечо:

– Лин, смотри – море!

Я подскочила и прижалась к окну. Вдалеке, за железнодорожными путями, сверкала синяя полоса – Чёрное море. Оно переливалось на солнце, манило своей бескрайностью. Сердце невольно забилось чаще: всё-таки море есть море, даже если едешь не ради отдыха.

В Новороссийске мы вышли на перрон, вдохнули солёный воздух и поймали такси. Водитель, загорелый мужчина с седыми висками, закинул наши чемоданы в багажник и бодро объявил:

– До Мысхако минут двадцать, если без пробок!

Дорога шла вдоль побережья. Слева – море, справа – холмы, покрытые зеленью. Потом начались виноградники.

– Видишь те ряды на южном склоне? – мама указала на участок с особенно пышными лозами, чьи листья отливали тёмно-зелёным с лёгким серебристым налётом. – Это виноградники дедушки. Каждая лоза здесь – как член семьи, за ними ухаживают годами.

А вон там, – она показала на соседний участок, отделённый невысокой каменной стеной, сложенной из местного ракушечника, – виноградники Лисовских.

Я присмотрелась: оба виноградника выглядели ухоженно, лозы были аккуратно подвязаны к шпалерам – ровные ряды тянулись вдоль склона, словно солдаты на параде. Между рядами виднелись небольшие оросительные канавки, заполненные свежей водой, которая поблескивала на солнце. Вдоль дорожек росли кусты лаванды и розмарина, добавляя пейзажу средиземноморского шарма.

На вершине холма примостилось здание с вывеской «Мысхако Вина» – светлое, с терракотовой черепицей и деревянными ставнями. Рядом виднелась небольшая дегустационная площадка с деревянными столиками в тени перголы, увитой виноградом.

– У дедушки своя винодельня, – продолжила мама, и в её голосе прозвучала нотка гордости. – Они с Лисовским Дмитрием Владимировичем много лет сотрудничали: делили оборудование, помогали друг другу во время сбора урожая. Вместе переживали засухи и дождливые годы, вместе радовались удачным урожаям.

Она замолчала на мгновение, глядя вдаль, и я заметила, как её взгляд стал чуть туманным, будто она перенеслась в прошлое.

– И мечтали объединить хозяйства через наш с Егором брак... – тихо добавила она. – Представляешь, два хозяйства, две семьи – всё в одних руках. Идеальный план. Но я выбрала твоего папу.

Мама улыбнулась – тёплой, светлой улыбкой, которая всегда появлялась, когда она говорила об отце.

– В итоге они всё равно объединились, – продолжила она. – Жизнь оказалась мудрее наших обид. Теперь у руля винодельни – Егор. Он оказался толковым хозяйственником: привнёс новые технологии, наладил экспорт, расширил линейку вин. Дедушка и старший Лисовский ушли на пенсию, но всё равно продолжают следить за работой винодельни. Каждый день приезжают, ходят по виноградникам, пробуют вино из новых бочек, дают советы... Хотя все понимают, что теперь главный – Егор.

Я молча кивала, впитывая новые впечатления. Мысхако оказалось небольшим селом, уютно устроившимся на склоне холма. Узкие улочки, белые домики с черепичными крышами, цветущие бугенвиллии на заборах – всё это выглядело так по-домашнему, так непохоже на шумный мегаполис.

Машина свернула на извилистую дорогу, ведущую вверх. Вдалеке показался мыс – скалистый выступ, врезающийся в море. Вода у его подножия бурлила и пенилась, разбиваясь о камни.

– Вот он, – тихо сказала мама. – Наш дом.

Двухэтажный дом стоял на возвышенности, окружённый садом. Белоснежные стены, терракотовая черепица, деревянные ставни – он выглядел как картинка из журнала про средиземноморский стиль. Перед домом раскинулся небольшой сад: гранаты, инжир, несколько старых оливковых деревьев. Вдоль дорожки цвели розы и лаванда, наполняя воздух тонким ароматом.

Мы вышли из машины. Возле дома нас уже ждали: бабушка в светлом платье стояла у крыльца, а в кресле-качалке на веранде сидел дедушка. Он выглядел совсем не так, как я ожидала: прямой, подтянутый, с аккуратно подстриженными седыми усами. Лицо покрыто ровным загаром, руки спокойно лежат на подлокотниках – ни капли не похож на больного после операции.

– Ну наконец-то! – бабушка раскинула руки для объятий. – Мы так вас ждали!

Дедушка поднялся с кресла и сделал несколько шагов к нам. Его походка была уверенной, без признаков недомогания.

– Добро пожаловать домой, – произнёс он негромко, глядя на маму.

Мама бросилась к нему, обняла, и я заметила, как на мгновение его лицо смягчилось. Он похлопал её по спине, потом обернулся ко мне:

– А это, должно быть, Каролина. Вылитая мать в твоём возрасте, – в его голосе прозвучала нотка теплоты, которую я никак не ожидала услышать.

– Удивительно, да? Увидеть внучку спустя девятнадцать лет? – дедушка слегка прищурился, изучая меня.

– Лина... – мама попыталась меня успокоить, коснувшись моего локтя.

– Вы мне никто, сразу говорю, – я отступила на шаг, скрещивая руки на груди. – Я приехала сюда ради мамы. Это она очень хотела.

Бабушка вздохнула, но ничего не сказала. Вместо этого она подошла ко мне и мягко взяла за руку:

– Пойдём в дом, дорогая. Ты, наверное, устала с дороги. Я приготовила твой любимый пирог с вишней – мама рассказывала, что ты его обожаешь.

Я замерла. Пирог с вишней? Она помнит такую мелочь? Или просто угадала?

Дедушка тем временем подошёл ближе и, к моему удивлению, тихо произнёс:

– Ты права, Каролина. Мы действительно почти чужие друг другу. Но, может быть, это можно исправить? Хотя бы попытаться?

Его голос звучал почти робко.

– Не поздно вато пытаться, Макар Олегович? – я намеренно назвала его по имени-отчеству. Дедушкой я его назвать не могу.

Дедушка слегка вздрогнул, будто от лёгкого удара, но кивнул:

– Возможно, – кивнул он медленно. – Но лучше поздно, чем никогда. По крайней мере, я хочу, чтобы ты знала: я сожалею о том, как всё сложилось.

Сожалею, что позволил обидам встать между нами. Ага. Как же сожалеет он. Раньше надо было сожалеть.

Мы зашли в дом. Прохладный полумрак после яркого солнечного дня показался особенно уютным. В воздухе витал аромат дерева, лаванды и едва уловимый запах выпечки – тот самый пирог с вишней.

– У нас сегодня вечером будут гости, – сказала бабушка, аккуратно расставляя чашки на столе... – Лисовские придут: Дима, Егор и его сын Роман.